

A movie poster featuring a close-up portrait of an elderly woman with long, wavy white hair and round, thin-rimmed glasses. She has a serious, intense expression and is looking directly at the camera. She is wearing a dark blue, textured jacket over a dark green turtleneck sweater. The sweater is adorned with multiple layers of ornate jewelry, including a large gold medallion with a crest, several gold buttons, and numerous beaded necklaces. In the foreground, she is holding an open, thick, antique book with yellowed pages. The background is a dimly lit library or study, with wooden bookshelves filled with old, leather-bound books. Some greenery with red berries is visible in the upper corners. The overall lighting is warm and focused on the woman's face.

Татьяна Гаврилова

Вариатор

18+

Татьяна Гаврилова

Вариатор

«Автор»

2026

Гаврилова Т.

Вариатор / Т. Гаврилова — «Автор», 2026

Пожилая Дарительница перемещается по миру. Её дар, ставший проклятием, — это доступ к Книге жизни и развилкам судьбы. Но бремя бессмертия утомляет, она ищет преемницу. Поиск оборачивается опасной игрой с наблюдателями из параллельного мира. Многослойный роман на стыке магического реализма, психологической драмы и философской фантастики. Это лирико-динамичная история о тайнах вечности и изнанке реальности. Книга заинтересует любителей интеллектуальной прозы с сильной интригой.

© Гаврилова Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Татьяна Гаврилова

Вариатор

Глава

Роман-новелла

Глава 1.

Восемьдесят семь лет. Сама не заметила, как пришли. Зато перелом после шестидесяти остался неподвижным и тяжёлым. Время не исчезло — сгустилось, и в этой вязкости впервые проступили альтернативы прошлого. Как листья на дне прозрачного ручья: лежат, не плывут, никуда не денутся.

А что, если в моменты выбора пойти другой дорогой, какой бы незначительной ни казалась развилка? Желание увидеть эти варианты стало неодолимым. И Вселенная ответила. Как всегда — с издёвкой. Появился Дар.

Теперь хватало одного взгляда, чтобы выхватить в толпе случайное лицо — женщину, привлёкшую внимание мелочью: несуразной одеждой, странным жестом. Стоило задержать на ней внимание, и незнакомку помимо воли тянуло в библиотеку, к полке с Книгой жизни. Она открывала её на любой странице — и текст втягивал в конкретный день, в конкретную сцену.

Их я называла попутчицами. Они проживали ситуацию заново, а я наблюдала из паузы между ударами сердца — будто сама стала тишиной, где не бывает ни шагов, ни слов. Справится ли она лучше?

Хотелось просто открыть ещё одну дверь из множества — заглянуть туда, куда когда-то не шагнула. Не чтобы переиграть, а чтобы увидеть: какой могла быть та дорога, даже если бы она вела в никуда.

Глава 2. Солнце (парный эпизод).

— Не верю! — окрик режиссера ударил по ушам.

Я моргнула, возвращаясь на сцену. Значит, реплики партнеру я выдавала на автопилоте. Как он смел орать? Я лучшая актриса в его труппе. И в его постели, к слову, тоже — там-то мои приглушенные стоны его вполне устраивали.

— Включись! Мне нужно твое присутствие, — снова донеслось из темноты зала.

«Дома тебе мое присутствие почему-то не нужно», — едва не сорвалось с губ.

— Извините. Настрой потеряла. Сейчас соберусь.

Я резко повернулась к партнеру. Что с ним? Обычно его влюбленного взгляда хватало, чтобы зажечь меня с полуоборота. А сейчас глаза пустые. Взгляд скользит мимо... Ах вот оно что. Он пялился на новенькую. Та застыла у кулис серым пятном — сонная, бесцветная моль. Ну, сейчас я устрою вам фейерверк.

— Спасибо за передышку. Могу продолжать! — крикнула я в темноту зала.

— Хорошо. С начала!

Надо было выжечь из этого бабника всю дурь. Вздумал смотреть по сторонам? Ну давай, посмотри на меня.

Сцена пошла. Воздух, между нами, мгновенно потяжелел, сцена сузилась до пятна света от театрального прожектора, а все остальные актеры превратились в картонные декорации.

Наш любительский театр держался на чистом эгоизме режиссера. Он был моим любовником, и каждая наша ночь превращалась в борьбу за главную роль. В спорах он легко уничтожал меня своими регалиями — дипломами модных мастерских и выигранными конкурсами.

А что было у меня? Три провала подряд на экзаменах в ГИТИС. В этом году я пообещала себе: попытка будет последней.

Он любовался мной как дорогой вещью — ценил мои тонкие руки, одухотворенное лицо и умение собирать фестивальные декорации буквально из барахла с помойки. Но замуж не звал. Его устраивали эти качели, а я чертовски устала стоять на пороге, гадая, что впереди — лестница вверх или обрыв.

День пролетел в бешеной суете: макияж, укладка, речевая разминка. В библиотеку, где сегодня играли итоговый прогон, я приехала за час до начала. Пока труппа таскала стулья и монтировал свет, мне, как исполнительнице главной роли, разрешалось побыть сонной аристократкой.

Чтобы скрыться от душных наставлений режиссера, я ушла вглубь залов. Побродила между стеллажами, и тут мой взгляд зацепился за странный переплет. На обложке не было названия, но книга легла в ладонь как влитая и открылась сама.

Солнце опускалось в воды Нила. Мой Северный дворец захлебывался светом. Его ласковые лучи, точь-в-точь как лучи на фресках, тянулись к нам человеческими ладонями и гладили мою кожу. Это божественное прикосновение напоминало мне объятия любимого. Тогда он еще не видел других женщин, и дорога в его гарем зарастала травой. Мы ведь были просто царскими детьми, мечтавшими вырваться из мрачных стен дворца его отца.

— Мы построим свой город и повернем всех лицом к одному Богу — Солнцу! — обещал он.

И наша любовь совершила невозможное. Он стал фараоном, я — его Владычицей радости. Мы вдвоем сдвинули стоявших веками идиолов и возвели новую столицу из белого камня. Шесть наших маленьких дочерей звенели голосами у бассейна...

А потом умерла наша девочка. За ней — его мать. Внутри него что-то треснуло. Он усомнился в силе Солнечного Бога, испугался смерти, захотел наследника и ушел к другим. Но боги не прощают отступничества. Как я не прощаю предательства. Я не покину этот город. Я еще буду фараоном!

— Что ты там зависла? Через десять минут начинаем! — резкий голос помощника режиссера в одно мгновение разбил тишину библиотечного зала.

— Что?.. — выдохнула я, дико оглядываясь по сторонам.

Книга со стуком выпала из моих рук на деревянный пол. Вокруг снова были пыльные стеллажи, полумрак, запах старой бумаги и суета любительского театра. Но ощущение чужой, колоссальной силы не уходило. Моя кожа всё еще помнила тепло нездешнего солнца. Я подняла голову, расправила плечи и посмотрела на сцену, где мой режиссер-нарцисс что-то раздраженно объяснял актерам.

«Я еще буду „Владычицей радости“. Теперь я это точно знаю».

Я абсолютно ничего не смыслила в яхтинге — оставалась всего лишь женой капитана. Перед отплытием наши друзья на Мальте осторожно спрашивали мужа: «Ты уверен?» Я и сама допытывалась:

— Может ли быть так, чтобы шторма не было долгое время?

— Теоретически — да, практически — маловероятно, — оптимистично отвечал ты.

Но мне везло. За все дни перехода — ни единого шторма. Вместо них стоял непрерывный штиль. Вода напоминала идеальный голубой асфальт, а паруса превратились в бесполезный реквизит и безвольно обвисли. Мы ловили редкий бриз, но в основном шли под мотором. Из-за этого солярка таяла на глазах. В тот день нам кровь из носа нужно было зайти в порт и заправить баки.

Тяжелый низкий гул разорвал тишину. Прямо над волнами, зловеще накренившись, шел военный самолет. Он пронесся так низко, что я успела разглядеть лицо пилота за стеклом летной кабины. В голове мелькнула безумная хроника: немецкий истребитель на бреющем

полете над полем с беженцами. Чашки тонкого костяного фарфора в моих руках предательски звякнули.

Самолет заложил вираж, зашел на второй круг строго над нашей мачтой, приветливо качнул крыльями и растаял в небе.

Наша авантюра — переход с Мальты в Афины — продолжалась.

Слева по курсу оставалась невидимая Итака. Привет тебе, Улисс. У древних греков моторов не водилось — только весла да команда. А мы шли вдвоем.

На востоке, прямо по курсу, небо наливалось тревожной краснотой — солнце подбиралось к кромке горизонта. До этого момента море и небо сливались в одну серую массу. Яхта ходко поднималась на пологие валы и степенно спускалась в ложбины. Мы шли под одним гротом, топлива оставалось ровно на заход в порт. Судя по карте, мы вот-вот должны были войти в пролив между Кефалонией и Закинфом, но вокруг пока простиралась лишь вода.

Световое шоу «Восход в открытом море» началось без предупреждения. Небо задышало фиолетово-розовым, а море под бортом потемнело, став густым, маслянистым. Вода казалась inferнальной, мертвой — так, должно быть, выглядел Стикс.

К нашему ныряющему ритму пристроились дельфины: по двое с каждого борта и один впереди, словно почетный эскорт. Они шли завораживающе синхронно, но в секунду, когда из воды вынырнула первая раскаленная точка солнца, дельфины исчезли. Я даже не заметила как — огромный фиолетово-красный диск приковал к себе взгляд.

Острова показались внезапно. Плотные кучевые тучи на горизонте вдруг обрели жесткие контуры. Это были не облака. Это были горы. Пора было будить мужа: заход в порт — его капитанское дело, мое — горячий завтрак.

Очередной рассвет застал нас после весеннего дождя уже в узком Патракском заливе. Ярко-желтый лимон, смытый ливнем с прибрежных склонов, качался на волнах. Я выловила его в свою утреннюю вахту, и на завтрак у нас был кофе с цитрусовой кислинкой.

— Откуда лимон? — удивился ты, выйдя на палубу.

— Выловила.

— Ты ради этого меняла курс?

— Ну, совсем чуть-чуть. Всё равно ведь надо было обходить сети рыбака.

— Почему меня не разбудила?

— Зачем? Я отлично справилась сама.

— Знаешь, ты меня пугаешь.

— Да ладно тебе, я же все-таки инженер. За десять дней пути с автопилотом разобраться точно могу.

Коринфский канал рассек скалу узкой прорезью — казалось, яхта вот-вот обдерет борта. Когда идешь по этой каменной щели, вопреки логике кажется, будто достаточно протянуть руку, чтобы коснуться отвесных краев. Шесть километров теснины вместо обхода всего Пелопоннеса — инженерное чудо, застывшее во времени с конца девятнадцатого века.

Эгейское море только на карте выглядело скромным, а в жизни встретило нас настоящим простором. Автопилот уверенно держал курс на финальную точку — порт Пирей. Шла моя вахта.

— Следи за горизонтом. Увидишь сухогруз — сразу зови меня, — строго приказал муж перед тем, как уйти вниз.

Команды капитана не обсуждались, хотя море вокруг казалось настолько бескрайним, что я искренне не понимала этой строгости. Зачем звать «сразу»? Ползет же где-то там, на кромке неба, серая точка...

Я лениво спустилась в каюту:

— Там вдалеке сухогруз.

Я и не подозревала, что мой муж умеет двигаться с такой скоростью. Один пружинящий прыжок — и он уже на палубе, резко выворачивает штурвал. Яхта уклонилась в последний момент, буквально выскользнув из-под борта стального монстра.

Как описать этот вид? Подойдите вплотную к двадцати пятиэтажному дому и посмотрите вдоль стены вверх. А теперь представьте, что этот дом движется на вас. Тот сухогруз как обычно шел на автопилоте, и наша лодка для него была не приметнее апельсиновой корки.

Муж резко крутанул штурвал, разворачивая яхту носом к тяжелой кильватерной волне, которая едва не захлестнула корму.

— Ух... — только и смогла выдохнуть я, вцепляясь в леер. — Вот почему «сразу».

Порт Пирей встретил нас суетой и пряной вечерней духотой. На палубе дышать было нечем, и я ушла вниз. Из ледяного нутра камбузного холодильника достала две хрустальные рюмки. На жаре они мгновенно обросли плотной мохнатой шубой инея. Водка тянулась за ними следом — вязкая, ленивая, обжигающе холодная.

— За удачное окончание нашего безнадёжного мероприятия, — я подняла хрусталь.

Ледяной поток рухнул внутрь. Секунда абсолютной немоты: ни вкуса, ни запаха. И вдруг снизу, из самой глубины, толкнулась и пошла вверх волна густого, мягкого тепла.

Я зажмурилась, впитывая это ощущение. Вот теперь — действительно всё.

Глава 3. Вид сверху.

Смотровая площадка буквально висела над тропическим островом. Внизу, в плотном и прямом мареве, сочная зелень джунглей сталкивалась с лазурным краем океана. Было жарко до одури. Вокруг бестолково толкались туристы, шумно отвоевывая друг у друга лучшие ракурсы для селфи.

А посреди этой суеты стояла я — высокая, худая старуха. Свободное платье-рубашка висело на мне, как на вешалке. Длинные рукава прятали руки, оставляя на виду лишь загорелые, морщинистые пальцы с ухоженными ногтями — и ни одного кольца. Шелковый шарф прикрывал волосы и узкое, аскетичное лицо. И только большие, живые глаза с искорками выдавали, что внутри этой оболочки все еще горит жизнь.

«Ничего себе выгляжу, вполне допустимо», — усмехнулась я про себя.

Восемьдесят семь лет — это чертовски много. Я отчетливо помнила, как в моем партийном билете графы для уплаты взносов были пронумерованы ровно до 2000 года, а дальше шли чистые листы. В молодости я смотрела на эту пустоту и пыталась сосчитать, сколько мне тогда стукнет. Думала: доживу ли? Дожила. И перешагнула этот рубеж почти на четверть века.

Я принципиально не доставала камеру. К этому возрасту точно знаешь: самые важные кадры остаются на сетчатке глаза, а не в памяти телефона.

Глава 4. Мишка (парный эпизод).

Я иногда заглядывала в офис — проект был любопытным, да и лишние деньги карман не жгли. Именно там я застала любопытную сцену.

Посреди рабочего дня вошел начальник:

— Всем привет.

Офис отозвался нестройным бубнежом. Половина сотрудников даже не оторвалась от мониторов, ограничившись короткими кивками.

— Здравствуйте! Очередь рада вас видеть! — вдруг зазвенел одинокий девичий голос.

Ого. Вот это заявка на победу.

— Я тоже... рад, — начальник откровенно растерялся.

— Сегодня такой прекрасный день! Я так счастлива, что вы пришли!

Фальшь брызнула из этих слов с такой силой, что замерли даже самые прожженные циники. Коллеги начали приподниматься со стульев, чтобы разглядеть нарушительницу офисной тишины.

«Ну ты даешь, девочка. Похоже, тебе сегодня играть в мою игру. Мишка, Мишка, где твоя улыбка?» — усмехнулась я про себя.

Для двадцатилетней провинциалки каждый день в Питере был войной за выживание. Из своего глухого захолустья она уже вырвалась. Прилично окончила техникум, вовремя подсуетилась с волонтерством и общественной работой, что и помогло ей зацепиться за место в бюджетном молодежном учреждении. Стартовая площадка есть. Теперь нужно было заставить местных «звезд» подвинуться.

На этот случай у нее имелся четкий план из четырех пунктов. Первый — внешний вид. Каждый божий день — новый наряд. В пустой съемной однушке из мебели была только вешалка на колесиках, как в модных шоурумах, зато забитая до отказа. Денег на люкс не хватало, но дешевый масс-маркет спасал — главное, чтобы шмоток было много и они не повторялись. Вторым пунктом шла тотальная заметность. Девушка взяла за правило: на любой вопрос шефа отвечать мгновенно и сразу предлагать решение. И плевать, что сама она в теме не смыслила ни черта. Третьим компонентом был корпоративный активизм...

В ожидании лекции она рассеянно бродила между стеллажами. Читать она не любила, но тишина здешних залов странным образом успокаивала. Вдруг среди сотен одинаковых корешков взгляд намертво зацепился за слепое пятно — ярко-желтый переплет. Ни названия, ни автора, ни единой строчки на обложке.

Она потянула книгу к себе, открыла на первой странице и...

На нее рванул огромный, пушистый желтый медведь. Его шкура сияла на солнце так вызывающе и радостно, что в голове испуганно пронеслось: *«Это мне?»*

Плюшевый Мишутка царил в центральной витрине магазина игрушек — главная, недосягаемая любовь ее детства. Весь их маленький городок был устроен так, что миновать эту витрину было невозможно. Шли ли они с мамой в школу, в гастроном или проведать бабушку — дорога неизменно вела мимо «Игрушек».

В какой-то момент за стеклом появился этот Мишутка. Просто стоять у витрины и разглядывать его уже было счастьем. Но смотреть стало мало — ей невыносимо, до слез захотелось забрать его к себе. В конце концов она утянула маму в магазин. Вблизи Медведь казался огромным, больше всех игрушек в зале, и в тот день он совершенно точно ей улыбался.

— Мам, купи, — прошептала она, вцепившись в мамину полу.

— Да зачем он тебе? Смотри, какой громоздкий, почти с тебя ростом.

— Мам, но он самый красивый!

— Доча, этот искусственный мех вмиг сваляется и соберет всю пыль.

— Я буду его чистить, честно!

— Ты уже в школу ходишь, какие игрушки? Всё, пошли.

— Ну, мам...

— Не нукай. Шагай давай.

Напоследок она оглянулась. Плюшевая улыбка Миши погасла прямо у нее на глазах. Из желтого и живого он в одну секунду превратился в набитый опилками мешок.

— Нет, — отрезала мама, дернув ее за руку к выходу.

Позже она предприняла еще две отчаянные попытки: приводила к витрине сначала папу, а потом бабушку. Но чуда не случилось — плюшевый зверь больше не улыбался. С папой они даже рискнули спросить цену, но названная продавщицей цифра прозвучала как приговор. Бабушка и вовсе отрезала: «Хочешь, кофточку красивую купим, а такая дорогущая игрушка нам ни к чему, баловство одно». А вскоре Медведь исчез. Видимо, его забрал кто-то другой.

Спустя восемь лет, когда она навсегда уезжала в Санкт-Петербург, обида за того желтого Мишку напрочь выжгла в ней сентиментальность. Уезжать из родного гнезда было не больно. Город, который зажал для нее даже игрушку, не стоил слез.

Девушка захлопнула Книгу и задвинула ее обратно на полку. Огляделась: лекция еще не началась?

«Да, девочка, нервы у тебя что надо», — подумала я.

Она не вскрикнула, не выронила Книгу Жизни от испуга. Твердой, уверенной рукой вернула ее в общий ряд, корешком наружу — чтобы ничем не выделялась среди сотен других томов. И невозмутимо направилась к рядам стульев. Это был еще один расчетливый, крошечный шаг к ее большому жизненному плану.

Что ж, удачи тебе.

Огромный, пушистый желтый медведь надвигался на меня. Его шкура горела на солнце так вызывающе и радостно, что в голове испуганно пронеслось: *«Это мне?»*

— Да, с днем рождения!

Медведь был в руках у папы. Он шел по дорожке к нашей двухэтажке — старому дому на три подъезда и восемнадцать семей, где все знали друг друга по именам.

Мне исполнилось пять лет. Папа с нами тогда уже не жил, и его внезапное появление — да еще и с таким чудом в руках — оборвало сердце от восторга. Медведь был выше меня, но он был моим. Полностью, безоговорочно моим.

— Как назовешь зверя? — спросил папа, опускаясь на корточки.

— Пух.

— Почему Пух? В сказке же Винни-Пух.

— Винни у меня уже есть. Помнишь, тот, коричневый и протертый? Он от сестры остался, она ведь у нас совсем взрослая — ей целых десять.

— Нравится новый мишка?

— Да! Очень!

У взрослых за закрытыми дверями шли свои глухие разборки, но мне было плевать. Папа пришел. Мой папа, который всегда сам купал меня и разрешал с диким хохотом прыгать в ванну прямо с бортика. Который варил фирменный «папин супчик», когда мама задерживалась на работе, и приносил гору конфет в день зарплаты.

Но перемирие длилось недолго. Снова начинались ссоры, крики и обоюдные упреки. В эти дни я утыкалась носом в желтый бок Пуха — его тепло доказывало, что родительские грозы гремят где-то далеко и меня не касаются. Иногда папа собирал вещи и уходил к бабушке. Тогда его имя в доме становилось запретным: стоило упомянуть папу вслух, как мама замыкалась в обиде. А потом всё повторялось сначала.

В одно из таких возвращений папа притащил телевизор — безумно дорогую, престижную по тем временам вещь. О нашем внезапном богатстве тут же загудел весь дом. Но после очередного ночного скандала исчезли и папа, и телевизор. Я тогда до смерти испугалась, что вслед за ними заберут и Пуха.

Дворовые кумушки сразу почуяли неладное. Им не терпилось разнюхать, случился ли у нас очередной кризис, и они решили зайти через меня.

— Ты знаешь, что сегодня в полпервого по телевизору будут мультики? — вкрадчиво спросила соседка во дворе.

— Нет. А что?

— Ну так пойди посмотри.

Они ждали, что я с детской дуростью выболтаю им правду: «А у нас папа телик забрал». Просчитались. Я выпрямила спину, посмотрела бабке прямо в глаза и гордо ответила:

— Обязательно.

Всю следующую неделю я выходила во двор исключительно в обнимку с медведем. Соседи косились, не понимая моей логики, но для пятилетней меня это был единственный способ защитить свой разрушенный мир: папы нет, телевизора нет, но Пух — мой, и мы все еще сильны.

Дома мама напустилась на меня за то, что я изваюкала чистую шерсть. Сквозь слезы я рассказала, что случилось у песочницы. Помню, как мамин гнев мгновенно оборвался. Она сгребла меня в охапку, прижала к себе так сильно, что стало трудно дышать, и очень долго, страшно плакала. Тогда я ничего не поняла.

Пух оставался моим лучшим другом, но, уезжая на учебу в большой город, я оставила его дома. А приехав на каникулы, случайно наткнулась на него в шкафу среди старого хлама. Я замерла от удивления. Мой великан оказался совсем небольшим, потрепанным и на самом деле не очень-то пушистым медведем.

Глава 5. Пустыня.

На смотровую площадку тропического острова меня привела не жажда видов — я искала преемницу. Если я не передам этот проклятый дар, то обречена жить вечно, а перспектива бесконечного земного круга пугала меня до дрожи. Но правила передачи были жестокими, скрытыми от меня, без единой подсказки свыше. От будущей преемницы требовалось безумное сочетание: мужество, сила и способность принять чужую любовь и боль как свои.

Но в этот раз система дала сбой. Не я потянула попутчицу в Книгу Жизни — нас швырнуло вместе. Короткий сухой щелчок в пространстве, и...

Белое солнце ударило в зенит. Наш джип замер на крутом склоне. Водитель в ослепительно белом балахоне вылез наружу, шипя воздухом из приспущенных шин — иначе в здешних сыпучих песках было не выгрести.

Огромный бархан высился впереди, нетронутый и чистый. Ветер уже стер чужие следы, оставив лишь идеальные песчаные волны под желто-красным, раскаленным небом. В душном салоне экскурсионной машины нас было пятеро — мы с новой попутчицей и трое безликих туристов.

— Можно выйти, побыть на бархане? — спросила я, чувствуя, как песок манит к себе.

— Да, пожалуйста, — отозвался гид. — Мы сделаем круг и заберем вас на обратном пути. Будем тут совсем рядом, за грядой.

Мы вышли наружу, оглушенные внезапным одиночеством. Под ногами расстился невероятный, красновато-терракотовый песок, а легкий ветерок кружил тонкие струйки на макушке дюны. Я опустилась на землю, глубоко зарывшись пальцами в сухую, текучую массу. Песчаная подушка оказалась нежной, но упругой. Мы просто сидели и слушали звенящую тишину. Джип растаял в мареве так быстро, словно его никогда не существовало.

— Как тебе? — спросила я.

— Прикольно.

Горизонт неуловимо плыл. Песчаные волны дышали, и меня начало мягко укачивать, как на палубе. И тут песок заговорил. У него был сухой, шершавый, желтый голос. Он негромко шуршал у самого уха на чужом, непонятном языке, но этот шепот гипнотизировал.

Ощущение «здесь и сейчас» стерлось. Кто я? Зачем я здесь под этим яростным солнцем? На мгновение захотелось поддаться иллюзии, но я вовремя вспомнила, ради чего затеяла эту поездку. Мне нужно было прощупать преемницу. Хотя первое важное качество уже подтвердилось: молчать с ней было удивительно покойно.

— Ты слышишь? С тобой песок говорит?

— Что? Говорит? Я вот думаю, минут двадцать уже прошло, нас там не потеряли? Может, мне сходить на вершину, осмотреться? Нет-нет, вы сидите, я быстро. У них наше место наверняка по геометке забито, так что позицию лучше не менять.

Так мы и вели этот странный диалог: я ей «тыкала», она мне вежливо «выкала». Она поднялась и тяжело побрела вверх по склону. От ее суетливых слов в чистом воздухе повис легкий, серый налет офисной пыли. Я отмахнулась от него, как от назойливой мошки, снова вслушиваясь в шелест дюн. О чем ты шепчешь, старик?

«Я помню слишком много историй о побегах и смерти», — сухой голос песка внезапно стал отчетливым, звенящим неотвратимой сталью. — «Маленького сына Клеопатры пытались укрыть от Октавиана, везли через мои владения в Куш, но я не выпустил его. Мало кто способен пройти меня насквозь. Я проверяю, есть ли внутри человека стержень из твердого камня. Если в тебе лишь труха — ты наполнишь мои бескрайние просторы. Если камень есть — уходи».

Я-то знала, что камень во мне есть. Но за долгие годы я так старательно заворачивала его в мягкое тряпье — в любовь, сострадание, понимание и слабость.

«Камень в тебе я чувствую», — отозвался старик-песок после долгой паузы. — «Но держишь ты его на весу, словно боишься сделать мне больно. Ценю. Хотя мне твоя нежность ни к чему, я могуч. А вот попутчица твоя — сплошной голый гранит, в ней даже капли воды нет».

При упоминании воды в горле мгновенно пересохло. С вершины бархана донесся крик:

— Пить хотите?

Хороша преемница — мысли читает на расстоянии.

— Да. У тебя есть?

— Конечно.

Еще и запасливая. Девушка спустилась по склону, достала из небольшого рюкзака бутылку и протянула мне.

— А ты сама? — спросила я.

— Оставьте.

— Хорошо. Связь проверяла?

— Глухо. Ноль палочек.

— Какая ты молодец, что догадалась взять воду.

— В детстве мы часто ходили в походы, — улыбнулась она. — Нас учили всегда носить с собой базовый минимум для выживания. В обычной жизни это выглядит странно. Надо мной в Питере друзья хохочут, когда я в норковой шубе, но с туристическим рюкзаком за плечами. Но это уже натура, никуда не денешь.

Я промолчала. Значит, не зря еще на той тропической смотровой площадке я выделила её из толпы, разглядев опытную путешественницу. Впрочем, сейчас география не имела значения. Главным оставалось одно — мы посреди пустыни, без машины и связи. Я сделала крошечный глоток, лишь бы смочить губы, и вернула бутылку.

— Посиди со мной.

Она послушно опустилась рядом. Я внимательно всмотрелась в её лицо.

— Время еще есть, — тихо сказала девушка, поймав мой взгляд. — Они вернутся.

В её глазах не было паники — только спокойная, расчетливая уверенность.

— Послушай песок, — попросила я. — Он обворожителен.

Мы замолчали. Я снова потянулась мыслями к шершавому желтому голосу дюн:

— Говоришь, она — сплошной камень?

Но Пустыня безмолвствовала.

— Вроде бы Цезарион и Антуан погибли совсем в других местах. Откуда ты про них знаешь?

«Ты говоришь с песком», — донеслось со всех сторон. — «А он един по всему миру. Я знаю обо всех».

— А тех, кто сумел пройти тебя насквозь? Их ты помнишь?

«Нет. Вошел и вышел. В моих дюнах остается лишь пыльца чужого испуга. Это моя законная дань, и вы её уже заплатили. Поровну — вы оказались равными по силе гостями. Ты, правда, чуть мягче. Я даже сперва хотел оставить тебя здесь, но понял, что ошиблась. Ты просто никуда не торопишься, словно все свои земные дела уже завершила. А потом я присмотрелся и понял: ты испытываешь попутчицу. Хочешь передать ей нечто важное и проверяешь, выдержит ли».

— Ты мудрая.

«Не смеши меня, я вечная. Вон ваш джип. Прощай».

— Я буду вспоминать тебя. Приснись мне, если захочешь.

В это мгновение на вершину соседнего бархана взлетел джип. Мы вскочили одновременно. Машина залихватски крутанулась рядом, обдав нас фонтаном раскаленной крошки. Из открытых дверей с хохотом высыпались туристы:

— Видели бы вы свои лица! Напугались насмерть? Это же наш фирменный аттракцион — потеряться в пустыне! Ну как вы? Памперсы сухие?

— Обхохочешься, — отрезала девушка. — Поехали уже. Вы-то сами накатались? Что видели?

— Сейчас на вади, потом смотреть, где фламинго пасутся, их там целая стая! А потом в город. Нет, ну серьезно, девчонки, вы как? Таблеточку под язык не надо?

— О своих памперсах беспокойтесь, как бы от смеха не протекли, — спокойно парировала моя преемница и шагнула в салон.

Внутри джипа дышал кондиционер. Только в этой искусственной прохладе мы осознали, как сильно нас прокалило солнце, стоявшее прямо над теменем. Короткий, быстрый взгляд глаза в глаза: да, мы оставили этой пустыне свою горсть пылицы. Но это было только наше дело.

— Поехали, — выдохнула я.

Сухой, резкий щелчок в ушах — и раскаленное марево лопнуло. Под ногами снова оказался деревянный настил смотровой площадки, а вокруг распахнулась бескрайняя синева океана.

Глава 6. Подъезд (парный эпизод).

Сквозь сон в сознание пробивалось мелодичное позвякивание посуды. Это мама готовила завтрак. Через пару минут в мягкий кокон теплой утренней постели пробился запах: кофе и поджаренный хлеб. И я точно знала, что там, на кухне, ждет еще и сочная половинка апельсина.

Дневной свет еще не проснулся, а уже пора вставать. Огромный мягкий халат спасал от свежести в комнате. Быстренько закрыла окно — спать следовало в прохладе, а беззвучные батареи теперь быстро нагревали воздух.

Я любила просыпаться дома. Хотя почему до сих пор говорила про родительскую квартиру — «дом»?

Ведь уже большая девочка, имелась своя взрослая жизнь, съемная квартира, любимый мужчина, нелюбимая работа и куча, прям-таки кучища амбиций. Но утром в родительской квартире снова оставалась маленькой, мягенькой лапусей.

Теплые мамины губы нежно коснулись лба.

— Доброе утро, ластонька моя. Завтрак готов. Какие планы на день свободы?

— Мам, ну зачем ты так, — улыбнулась в ответ. — У меня прекрасная жизнь, я её сама выбрала.

— А чем не свобода? На работу не нужно, друг твой в командировке, мама всё сделает по хозяйству. Полная свобода!

— Пройдусь по магазинам, зайду в салон красоты: ногти, волосы, массаж. С подружкой встретиться планировали, хотим сходить на мастер-класс по изготовлению украшений из бисера.

— О, да у тебя прямо день забот.

— Ты не представляешь, делать украшения из бисера — это так увлекательно! Мам, объясни мне, как ты делаешь каждое утро таким уютным?

— Это любовь, детка, я очень тебя люблю.

Я обняла маму, прижалась к ней крепко-крепко и почувствовала этот неповторимый мамин запах: его словно и не было вовсе, и в то же время его невозможно было ни с чем перепутать.

— Всё, мамусик, я побежала. Увидимся вечером. Сегодня я опять ночую дома.

Вот опять. Снова — «дома». А там, у себя, в съемных стенах — это тогда что?

«Вот, милаха моя, ты и попалась. Мастер-класс-то в библиотеке будет. Там и встретимся», — подумала я.

День тек по плану — ладно и размеренно. Будний день, в магазинах пусто, терапевтический шопинг удался на славу. Прическа идеальная, ногти в порядке, а массаж вернул телу упругость.

Вот и библиотека. Модный интерьер, уединенные уголки для чтения. Книжные стеллажи ветвились, как деревья, а книги на них вместо листьев. Подруга запаздывала, время до мастер-класса еще оставалось.

На глаза попался странный том — без обложки, потертый, со сбитыми, загнутыми уголками страниц. Зачем я вообще его схватила? Он ведь даже в руки не просился, казался липким, неприятным. Но пальцы словно сами приросли к переплету.

Том открылся наугад, и...

Дверь парадной была распахнута настежь. Внутри царил полумрак — под грязным, закопченным потолком сиротливо тлела одна тусклая лампочка. Из глубины, от лифтов, долетал грубый мужской гомон. Разобрать слова не получалось: из темноты неслись убогий, монотонный мат — бессмысленный и тягучий. Судя по гулу, там собралось человек пять.

Нужно войти в этот мрак и подняться на лифте десятый этаж. Но от этих голосов по спине пробежал ледяной мороз, переросший в глухой, первобытный ужас. Ноги налились свинцом, заставив застыть у самого порога. Пацаны в глубине парадной пока не заметили.

Что делать? Убежать? Или шагнуть внутрь?

Сердце сорвалось в лихорадочный, рванный стук. Ладони мгновенно взмокли, а в ушах зазвенел тонкий, сверлящий ультразвук: «Ииии...».

Надо идти к лифту. Сделала два нерешительных шага и уперлась лицом в глухую стену недобрых, угрюмых взглядов. Около лифта терлась дворовая шпана лет по пятнадцать. Самый отвязанный, опасный возраст: гормоны кипят, а мозги еще не включились. Между ними не было никакого защитного стекла — только пара метров вонючего воздуха парадной.

Волосы на затылке, только что уложенные в дорогом салоне, буквально встали дыбом. Тишина давила так, что готовы были лопнуть барабанные перепонки. На ватных, негнувшихся ногах она сделала еще шаг.

Хлесткий голос из темноты ударил, как выстрел:

— Шубка какая классная. Сколько косарей стоит? Может, прокатимся в лифте, а?

Смысл дошел с задержкой. Они говорили о ней. О её красивой, дорогой шубе, которая сейчас казалась ей не защитой от холода, а смертельной ловушкой. Дыхание перекрыло. Нет, это не могло происходить на самом деле...

Я отбросила Книгу Жизни с такой силой, что та с глухим стуком улетела в угол зала и сама захлопнулась.

Я судорожно глотаю воздух, оглядываюсь по сторонам. Вокруг — светлая, чистая библиотека. Всё тихо, пристойно. И только потертый том валяется на полу у противоположной стены.

Сердце колотилось в ребра, руки крупно, неудержимо дрожали.

К черту этот мастер-класс. Бисер, подругу — всё к черту. Домой. Скорее домой, под крыло к маме.

— *Ты первая из участниц моих экспериментов, кто не прожил эпизод целиком, — подумала я, возвращаясь в реальность. — Это твое право.*

У меня-то как было?

Забыть нельзя, помнить.

На дворе стояли глухие девяностые. Время, когда на улицах правил закон сильного, а идти в милицию было едва ли не опаснее, чем нарваться на отморозков.

Я возвращалась с работы поздно. В тот месяц наш подъезд превратился в сущий ад: кругом заплыванные стены, дым коромыслом, крики, в углах — вонь мочи. Мы с соседями пытались бороться, дважды за свой счет меняли замки на входной двери, но их выламывали на следующий же день. Посадить бы вахтера, да попробуй собери деньги с полуголодного дома, где на одном этаже живет коммерсант, а на другом — нищая швея. Шпана пока не совалась к квартирам. Пока.

Перед крыльцом я невольно притормозила. Тянула время, глупо надеясь, что из-за угла покажется хоть кто-то из своих. Но двор был пуст, а сумерки сгущались слишком быстро.

Дверь в парадную была распахнута настежь. Внутри — гробовая темнота, лишь под черным от копоти потолком едва теплился тусклый волосок единственной лампочки. Из глубины, от лифта, долетал низкий мужской гомон. Бессмысленный, тягучий, ублюдочный мат без начала и конца. Пять человек. Как минимум, пять.

Колени мгновенно превратились в желе. Ладони сделались скользкими от пота.

Я глубоко вдохнула ледяной воздух и приказала себе: *«Соберись. Шагай»*.

Походка — свободная, спина — прямая, взгляд — сквозь них. Ни на кого не смотреть. Идти так, словно парадная пуста. Я размеренно дошла до лифта и нажала кнопку — уверенно, властно. Рука не дрогнула.

Матерный треп за спиной оборвался. После секундной тишины прилетел вопрос — не мне, друг другу:

— Как думаешь, дубленка эта сколько косарей стоит?

Господи, как же медленно полз лифт. Я стояла к ним спиной, они не видели дикого ужаса в моих руках, но позвоночник от бушующего страха каменел и распрямлялся сам собой. В голове лихорадочно щелкали варианты: *«Что делать, если они шагнут за мной? Если зайдет один? Если один — убью нахрен»*. И я физически, до тошноты почувствовала: смогу. Зубы свело от глухой, бешеной ярости: *«Ты, мразь, меня пугать вздумал?!»*

Малолетние зверьки учуяли этот перелом на уровне чистых инстинктов. Волчья стая поняла, что овца готова рвать горло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.